Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

№ 4
(817)
21-й год издания

31
января
1943 г.
ВОСКРЕСЕНЬЕ

ВЫХОДИТ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО ПО ВОСКРЕСЕНЬЯМ

Блокада Ленинграда прорвана!

СЛАВА ДОБЛЕСТНОЙ КРАСНОЙ АРМИИ! СЛАВА ГЕРОИЧЕСКИМ ЗАЩИТНИКАМ ЛЕНИНГРАДА! Войска Волховского и Ленинградского фронтов после семидневных боёв прорвали 18 января блокаду Ленинграда и соединились, разгромив ряд дивизий противника и захватив большие трофеи. На снимке: балтийские моряки идут в атаку.

Фото В. Тарасевича (ТАСС)

Хроника событий

ЗНАКИ ВОИНСКОГО ДОСТОИНСТВА

В жизни нашей славной Красной Армии произошло большое событие. Указом Президиума Верховного Совета СССР введены новые знаки различия — погоны для личного состава Красной Армии. Это мероприятие имеет важное значение, ибо оно призвано способствовать дальнейшему укреплению воинской дисциплины и воинского духа.

Пошивочные мастерские по всей стране выполняют теперь заказы по изготовлению новых знаков различия. На снимке: стахановки ателье № 2 Военторга (Москва) О. Бедина и М. Коновалова проглаживают сшитые погоны.

КАВАЛЕРЫ ОРДЕНА СУВОРОВА

Слава о подвигах Красной Армии гремит по всему миру — слава её доблестных бойцов, слава её инициативных, искусных командиров, наносящих сокрушительные удары немецко-фашистским бандам.

В развернувшемся наступлении Красной Армии крупные достижения показали наши танковые войска. Второй гвардейский танковый корпус генерал-лейтенанта Баданова смелым и дерзким броском вышел в глубокие тылы противника, занял важнейшие опорные вражеские пункты. За образцовое выполнение заданий командования на фронте борьбы с немецкими захватчиками и проявленные при этом уменье и мужество генерал-лейтенант В. М. Баданов (снимок слева) награждён орденом Суворова 2-й степени.

Вторым по счёту кавалером ордена Суворова является генерал-лейтенант П. А. Ротмистров. Третий гвардейский танковый корпус, которым командует генерал-лейтенант Ротмистров, осуществил дальний рейд в тылы противника, нанёс ему большие потери и тем самым обеспечил победоносное продвижение наших стрелковых частей.

НА РАЗГРОМ ГИТЛЕРА

Щедрой рукой вносят советские люди свои трудовые сбережения на строительство танков и самолётов для родной Красной Армии. Граждане нашей великой страны не пожалеют ничего, не остановятся ни перед какими жертвами для ускорения полного разгрома немецко-фашистских захватчиков!

Коллектив завода «Красный пролетарий» внёс более миллиона рублей на строительство авиоэскадрильи «Красный пролетарий». На снимке: сбор средств в 1-м механическом цехе завода. Слева — стахановка расточница Т. Я. Козловская подписывается на месячную зарплату.

ПОДВИГ ЮНОГО ГЕРОЯ

Гвардии старший лейтенант Д. Д. Шолохов в бою южнее Сталинграда совершил геройский подвиг. Находясь со своим танком в засаде, он в течение пяти часов вёл неравный бой с фашистскими танками и пехотой. Итог этого поединка — 25 сожжённых немецких танков и десятки убитых гитлеровцев. За мужество и храбрость двадцатидвухлетнему танкисту Д. Шолохову присвоено звание Героя Советского Союза.

СИМВОЛ НЕРУШИМОЙ ДРУЖБЫ

Братский монгольский народ прислал новый подарок Красной Армии — танковую колонну, построенную на средства, собранные населением Монгольской Народной Республики.

Танковую колонну передала Н-ской части делегация МНР во главе с премьер-министром Монгольской Народной Республики маршалом Чойбалсаном.

— В каждой из этих боевых машин, — сказал маршал Чойбалсан в своей речи, обращённой к танкистам Н-ской части, — воплощена безграничная любовь монгольского народа к своему великому другу — советскому народу, его доблестной Красной Армии и великому Сталину.

На снимках: передача танков; маршал Чойболсан произносит речь.

ЧЕТЫРЕ ГОДОВЫХ НОРМЫ ЗА ГОД

Алексей Семиволос — знатный шахтёр, лауреат Сталинской премии — работает сейчас на Урале. Здесь горняки Криворожья с успехом применяют свой метод многозабойного бурения.

— В наступающем, 1943 году принимаю на себя обязательство выполнить четыре годовых нормы, — заявил тов. Семиволос.

Можно не сомневаться в том, что это обещание будет выполнено. Шахтёры Урала, для которых Алексей Семиволос всегда был примером, покажут вместе с ним новые образцы самоотверженного патриотического труда.

В ПРИДОНСКИХ СТЕПЯХ

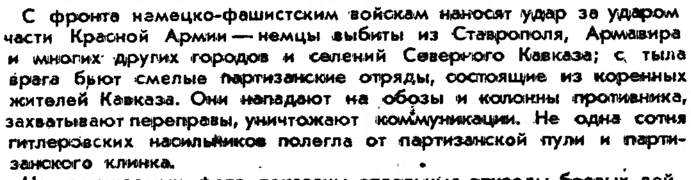
На громадном протяжении бассейна Дона войска Красной Армии продолжают победоносно развивать наступление. После разгрома немецко-фашистских войск под Сталинградом советские войска нанесли могучий удар по немецким и венгерским дивизиям южнее Воронежа. Заняты сотни населённых пунктов, захвачены большие трофеи и десятки тысяч пленных. Новых успехов добились наши войска и в районе Северного Донца, а также в районе Орловская—Пролетарская—Сальск. Освобождён Воронеж. Донские и задонские степи хранят множество ярчайших свидетельств побед наших войск — немецкие самолёты, автотранспорты, орудия, танки... Бесконечные колонны пленных следуют по дорогам на восток (снимок внизу).

Фото А. Капустянского

ЛИХИЕ ПАРТИЗАНЫ КАВКАЗА

С фронта немецко-фашистским войскам наносят удар за ударом части Красной Армии — немцы выбиты из Ставрополя, Армавира и многих других городов и селений Северного Кавказа; с тыла врага бьют смелые партизанские отряды, состоящие из коренных жителей Кавказа. Они нападают на обозы и колонны противника, захватывают переправы, уничтожают коммуникации. Не одна сотня гитлеровских насильников полегла от партизанской пули и партизанского клинка.

На помещаемых фото показаны отдельные эпизоды боевых действий одного из партизанских отрядов, оперирующих на Северном Кавказе. Вверху слева: штаб партизанского отряда разрабатывает план операции. Справа: перед выступлением в поход командир отряда разъясняет бойцам задачу. Ниже: партизаны спешат перерезать дорогу, по которой немцы подвозят боеприпасы на фронт. Внизу слева: бойцы партизанского отряда в засаде. Внизу справа: партизаны ждут сигнала к атаке.

Снимки сделаны в тылу врага фотокорреспондентами С. Лоскутовым и В. Теминым.

НАДО

П. НИЛИН

Рассказ

Старик Ерофей Павлович Журавлёв вошёл сейчас в такую славу, что никому и в голову не взбредёт оспаривать его достоинства. Всё побережье Байкала, вся Сибирь, весь, можно сказать, Советский Союз узнают теперь, на что способен старик Журавлёв. Однако люди, близко знавшие его раньше, не перестают удивляться...

Удивление вызвал самый всадник, так неожиданно въехавший в Пухляковку среди ночи. В свете полной луны, в огромном заиндевевшем тулупе, при ремнях и пистолетах, сидел он на резвой своей лошадке, как сказочный герой. Лошадка его, окутанная паром, дрожала на морозе. Видно было, что прошла она махом немалый путь. Но всадник всё ещё горячил её, дёргал нервно за поводья и нетерпеливо спрашивал, где тут проживает товарищ Журавлев, Ерофей Павлович.

Думали сначала, что старику пришло известие с фронта: у него все-таки два сына на войне, Егор и Фёдор. Известно было, что они за этот год вдвоём заслужили пять орденов и одну медаль «За отвагу». Но потом выяснилось, что сыновья тут не при чём, а просто сам старик пробился собственным своим старанием в большие люди, и ему пришла важная депеша. Поэтому-то всадник и спешил. Полагается спешить, если везёшь правительственную телеграмму. Порядок есть такой, устав. И всадник гнал свою лошадку изо всех сил, чтобы доставить лично, в собственные руки старика Журавлёва депешу от товарища Сталина.

Депешу эту потом читали на общем собрании и наиболее достойные подержали её даже в своих руках. Ошибки никакой не было. Депеша действительно была адресована лично старику Журавлёву. И под депешей действительно стояла подпись: «И. Сталин». Ну, чего ж тут ещё сомневаться!

Правда, никто не сомневался. Удивлялись только.

Не удивительно было бы, если б телеграмму такую получили сыновья Журавлёва. Сыновья у него — на самом деле ничего худого не скажешь. Взять хоть Егора, хоть Фёдора или хотя бы Мишку Журавлёва. Тоже мальчик, хотя пока и не военный: четырнадцати нет ему,— но может другому взрослому сто очков вполне свободно дать вперёд. Даже Настя Журавлёва, мишкина сестра, старикова дочка,— и та считается видной девицей как активистка и застрельщица. А старик Журавлёв не может, конечно, идти ни в какой пример со своими детьми... Впрочем, так рассуждают не сильно умные люди. И разговор их не очень правильный. Раз старик Журавлёв воспитал таких детей, раз он их вырастил, поставил на нужную точку, раз он их родитель и глава,— значит, он тоже чего-нибудь стоит. Но у нас ведь иногда не так рассуждают. У нас считают часто, что если человек на собраниях не выступает, мнения своего публично не высказывает,— значит, он лицо уже не передовое,— одним словом, масса. А что такое масса,— многие в точности и не представляют. И поэтому не могут как следует понять, кто такой был и есть старик Журавлёв...

В Москве, когда прочитали в газетах телеграмму, подумали, может быть, что Сталин переписывается с каким-нибудь знатным колхозником Журавлёвым. А старик Журавлёв на самом деле, по-честному говоря, никогда не был знатным. Дети его действительно упоминались в газетах, но старик по неграмотности своей даже этих газет не читал, где упоминалось про его детей. Вот супруга его Лизавета Карповна приохочивает своего старика к газете. Надев очки, она читает ему при лампе перед сном про наиболее важные события, про войну и про иностранные державы, кои состоят с нами в дружеских отношениях и обещают открыть второй фронт. Она читает, а старик всё молчит и молчит, как на общем собрании. Ну, разве редко когда скажет два—три слова. И опять молчит. Прожила она с ним вот так всю жизнь, не дождавшись от него ни одной складной речи. Всё молчком, всё молчком. Но ни разу, однако, не пожалела она, что вышла именно за него замуж, что с ним единственным прожила всю жизнь, потому что ей-то было всегда известно, что человек он хотя и угрюмый и молчаливый, но в делах своих, в действиях более откровенный, чем мог бы быть другой, говорливый. Она-то уж знает его!..

Вечером вот так же, сидя рядом за столом, она прочитала ему из газеты про Ферапонта Головатого, колхозника из Саратовской области. Ферапонт Головатый внёс в Госбанк сотню тысяч из своих личных средств. Приобрёл на эти деньги боевой самолёт и известил об этом телеграммой товарища Сталина.

— Силён,— неожиданно сказал про Головатого Ерофей Журавлёв.

И опять замолчал, будто огорчился или обиделся. Лизавета Карповна сейчас же начала объяснять дальше. Она ни на что не намекала, не вспоминала даже, что у них со стариком тоже есть деньги и не меньше, может быть, чем у Ферапонта Головатого. Она всё говорила, как будто к слову, между прочим, но муж, похоже, не слушал её. Не такой он человек, чтобы можно было расшевелить его словами. А кроме того всё, что имеет отношение к деньгам, он всегда обходит молчанием. Всё, что имеет отношение к его деньгам. Поэтому многие считают его скупым.

Лизавета Карповна, однако, другого мнения на этот счёт. Был бы если б муж её скупым, они не жили бы никогда вот так, как сейчас живут. Всё, что надо, у них есть, всего, по их надобности, у них довольно. Когда Егорушка в позапрошлом году хотел купить мотоцикл на свои деньги и спросил отца, как он думает, надо ли покупать, отец сказал, что лучше купить костюм и пальто, чем эту машину, на которой тут и ездить-то по горам некуда — ещё голову сломишь по глупости. Но отец, однако, не неволил Егорушку. Хочешь —так покупай, деньги твои, я тебе не судья и не свидетель, только подумать надо, нужна ли вещь. А что с ней делать. если она без надобности? Не барышник же ты— покупать да продавать.

Деньги у всей семьи твёрдо закреплены за тем, кто их заработал. Даже у Михайлы и у Насти есть свои сберегательные книжки. И только у отца с матерью деньги лежат на одном текущем счету. Но Лизавета Карповна никогда бы самовольно не решилась взять для чего-нибудь свои деньги с общего счёта. Она всю жизнь слушалась своего мужа.

После чтения газеты старик Журавлёв лёг спать. Но спал он неспокойно—ворочался, кряхтел. Может, снился ему во сне Ферапонт Головатый или второй фронт, а может, так что занеможилось по старости. Года всё-таки уже не те.)

Утром он встал, попил чаю и пошёл в правление взять коня, чтобы поехать в город. Никто не спрашивал, зачем он собирается ехать. И он сам никому ничего не объяснял.

Вот, когда уже конь был запряжён, он позвал жену поехать вместе с ним, потому что надо было обмозговать одно дело. В дороге он сказал, что, пожалуй, правильно: надо внести деньги, раз их дети воюют, и такая война, и так далее. Он всегда говорил «так далее», когда у него не хватало слов, чтобы выразить свою мысль. На этот раз молчала старуха. Она как будто боялась разговором своим женским спугнуть благородную мысль, осенившую супруга. Она молчала и только хотела угадать, сколько же старик решился внести...

Проезжали они в это время через базар, где толпился и шумел народ. И старик Журавлёв пожелал сойти с саней поглядеть, чем торгуют. Жене он передал вожжи. Бородатый какой-то мужик носил на плече бекешу, как раз такую, в какой изображён на портретах известный купец Серафим Медведников. Красивая бекеша — коричневого цвета с барашковой опушкой и косыми

Ученица 1-го класса Лена Азаренкова обратилась с письмом к товарищу Сталину. Она пишет, что накопленные ею на ёлочные игрушки 110 рублей она вносит на строительство самолёта. Отец Лены — лётчик, погиб на фронте, и его дочь — юная патриотка — хочет отомстить фашистам.

Фото М. Оверского

карманами. Из любопытства просто старик спросил, сколько за неё просят. Мужик назвал цену большую, но, пожалуй, всё-таки подходящую, если считать, что бекеши такие теперь каждый день не продают. Из любопытства же старик назвал мужику свою цену, немного поменьше. Мужик заартачился. Тогда старик накинул ему к своей цене триста целковых, и мужик вдруг согласился...

— Хиус, страшный,— сказал он, имея в виду холод.— Надоело мне тут ходить. Бери всё разно, я за тыщей не гонюсь!..

Показали бекешу старухе. Она одобрила. Дело было теперь за тем, чтобы отдать деньги. А для этого надо было ехать в сберкассу. Мужик, однако, согласился. Посадили его в сани и повезли.

Но в сберкассе вдруг произошла заминка. Оказывается, старик Журавлёв задумал перекрыть Ферапонта Головатого. Он задумал ровным счётом подарить государству сто пятьдесят тысяч рублей. И деньги эти с излишком были на счету. Но на бекешу всё-таки не хватало. А мужика с бекешей привезли уже в сберкассу. И перед мужиком теперь неудобно.

— Может, ты бекешу возьмёшь,— сказала шопотом жена мужу,— а в банк на самолёт дадим поменьше тысячи на две?

— Чего уж тут чихирничать-то из-за двух тысяч? — строго сказал старик Журавлёв.— Полторы сотни решили — так уж и давать полторы сотни. Чего уж тут на попятный-то двор идти? Подумают, что мы соскребли все остатки, некрасиво получается, неравный счёт...

Однако перед мужиком было очень неловко. Он стоял тут в сберкассе, держал на плече свою бекешу, переминался с ноги на ногу и ждал, когда отдадут деньги. Что же делать теперь?

Подошёл какой-то гражданин и стал трогать бекешу. Спросил:

— Сколько отдали?

— Да не отдали ещё,— сказал продавец.— Вот в том-то и дело, что чего-то ещё прикидывают в уме, шепчутся чего-то. Может, даром хотят отобрать?

Гражданин стал прицениваться, он надавал продавцу по собственной воле цену более первоначальной. Но продавец был связан словом. Он ждал. Однако до каких это сроков ждать?

— Вы чего, берёте, отец, бекешу-то, что ли?— спросил он наконец вежливо старика Журавлёва.— А то я заждался. А тут вот люди настоящую цену дают.

И вдруг старик Журавлёв обиделся.

— Я людям не заказчик,— сказал он сурово.— Дают настоящую цену—пускай берут. А я сроду в таких бекешах не хаживал и ещё могу потерпеть...

Мужик перекинул бекешу со своего плеча на плечо нового покупателя. И сколь ни твёрд был старик Журавлёв, он не мог не вздохнуть при зрелище этом. Однако когда вздохнула старуха, он осердился:

— Ладно вздыхать-то! Лишняя она нам и дорогая. Мы не для этого в город приехали...

Никому они не сказали дома, зачем ездили в город. И узнали люди об этом, когда ночью несколько дней спустя прискакал на заимку сказочный всадник, чтобы вручить старику Журавлёву депешу от товарища Сталина.

И с этой ночи, можно считать, старик вошёл в славу.

А у нас в Сибири умеют почитать людей, хоть чем-нибудь отрадно удививших народ. Человек, без сожаления сдавший на общее дело чуть ли не все честным трудом заработанные деньги, был достоин всеобщего внимания. День спустя в Пухляковку прибыл фотограф, чтобы запечатлеть старика Журавлёва для газеты. Потом его пригласили в посёлок к железнодорожникам посидеть в президиуме и прислали за ним специально сани. Пригласили его также как знатного человека на свадьбу: записался с дояркой старший сержант, вышедший из госпиталя. Устроили в честь Журавлёва вечер в родном колхозе «Правильный путь». Звали его теперь чуть не каждый день в разные места, просили выступить на собрании. Но он стеснялся и наотрез отказывался. Старуха сначала уговаривала его, соглашалась ехать по приглашениям вместе с ним. Но в конце концов она поняла, что оратора из него никогда не получится, и перестала его уговаривать. А приглашения всё поступали. Заранее приглашали старика встречать Новый год. Надняк явился член родительского комитета школы соседнего посёлка и пригласил старика выступить на ученическом вечере.

— Желательно,— сказал он,— чтобы вы чего-нибудь произнесли перед ребятами для острастки. Против озорства чего-нибудь такое и насчёт текущего момента...

Лизавета Карповна сказала за мужа, как говорила все эти дни:

— Да что вы! Где ему! Он же вовсе не может речь говорить. Он и со мной-то: я супруга ему — редко разговаривает. Куда уж ему ехать!..

Но старик вдруг — будто в пику жене — согласился. Непонятно даже, почему он вдруг загорелся так. И поехал в школу.

В школе его встретили торжественно и шумно, прокричали ему «ура», и он вначале растерялся и погас. Но ребята тормошили его и преподнесли ему кисет для табаку с ласковой надписью. Оглядев кисет, он почувствовал себя смелее и заговорил. Он заговорил неторопливо, а потом разговорился и выражал свои мысли так, будто всю свою жизнь был оратором, но молчал, выжидая подходящий момент, чтобы высказаться. Школьный сторож-старик, сидевший тут же на стуле, привстал, как ученик, робко и почтительно спросил его: не жалко ли ему было денег, таких огромных, кои он отдал в казну? Ерофей Павлович взглянул на него и задумался.

— Это я тебе не умею сказать,— произнёс он в задумчивости.—Ежели сказать: не жалко,—это, однако, будет обман. Деньги у меня не ворованые, а трудовые. А ежели сказать: жалко,— так меня, однако, никто не неволил. Я мог деньги той хоть в тюфяк зашить, хоть пропить, хоть что хочешь сделать. Я их отдал, потому что надо...

И тут он отвернулся от старика и опять заговорил со школьниками:

— Вот это, ребята,— однако, самое главное слово: «надо»... Мы живём артельно. Вся Россия — вся Сибирь согласилась жить артельно. И артельные дела у нас выше всего. Ты живи, что желаешь, делай. Но никто никогда не имеет права забывать, что он состоит в артели. Это вам сызмальства, однако, нужно запомнить. Вот сейчас жизни своей не жалей, за артельное дело, крови не жалей. Неужели же я буду за рубль свой цепляться? А? Нет, ежели надо, пересиль себя, характер свой пересиль, но помни одно слово: «надо». Вот в этом, однако, вся соль. А жалко ли мне денег моих — это дело десятое. Это, однако, глупый вопрос.

И он сердито посмотрел углом глаза на школьного сторожа.

Учитель старательно, слово в слово, записал его речь и послал её в город, чтобы передать по радио. А старика Журавлёва ученики с песнями проводили до площади, где он сел в приготовленные сани и, опять молчаливый и тихий, поехал домой.

Лауреат Сталинской премии Герой Социалистического труда авиоконструктор С. В. Ильюшин внёс в контору Госбанка 75 тысяч рублей на строительство авиосоединения «Москва». Ещё 35 тысяч рублей тов. Ильюшин внесёт 1 февраля этого года.

Мария Иосифовна Орлова обратилась к жёнам фронтовиков с призывом открыть текущий счёт на строительство танковой колонны имени жён фронтовиков. Открывая такой счёт, она внесла 1 тысячу рублей. Вот что рассказывает о себе Мария Иосифовна: «Я жена фронтовика, 67 лет, партизанка, дважды ранена в гражданскую войну. Четверо моих детей на фронте, старший из них за счастье нашей родины погиб в бою с фашистскими оккупантами. Мой муж — орденоносец и несмотря на свой преклонный возраст—65 лет—с начала отечественной войны находится добровольно на фронте».

На снимке: М. И. Орлова со своей внучкой Мариной.

Фото М. Озерского

ЛЮБИМАЯ ДОЧЬ СОВЕТСКОГО НАРОДА

Герой Советского Союза М. Раскова выступает перед московскими пионерами. Снимок 1938 года.

Похороны Героя Советского Союза М. Расковой на Красной площади. Урну с прахом М. Расковой несут (слева направо): секретарь ЦК и МК ВКП(б) А. С. Щербаков, генерал-полковник П. А. Артемьев, Маршал Советского Союза С. М. Будённый.

Трудящиеся Москвы на похоронах М. Расковой.

Снимки М. Калашникова

Народ нашей великой родины прекрасно понимает, что каждая победа советской авиации является лишним звеном в цепи, укрепляющей мощь и обороноспособность нашего социалистического отечества.

МАРИНА РАСКОВА

Не стало Марины Михайловны Расковой, отважного сокола сталинской авиации, героини дальних перелётов, боевого командира военно-воздушных сил нашей родины.

Марина Раскова родилась в 1912 году в Москве, в семье преподавателя пения. По окончании средней школы 16-летней девушкой она поступила работать на завод. Но её влекла авиация, она хотела стать лётчицей и добилась осуществления своей заветной мечты.

Благодаря исключительной работоспособности, настойчивости и таланту Марина Раскова в 1934 году получает звание штурмана, а в 1935 году заканчивает лётную школу. В памятных всему советскому народу, замечательных дальних перелётах Москва — Севастополь — Москва, Москва — Актюбинск, Севастополь—Архангельск, Москва — Дальний Восток развернулись её выдающиеся дарования как штурмана и лётчика. Правительство высоко оценило героические подвиги Марины Расковой, дважды наградив её орденом Ленина и присвоив ей звание Героя Советского Союза.

С первых дней отечественной войны Марина Раскова заняла своё место в строю военных лётчиков Действующей армии.

Двенадцатого января советский народ проводил Марину Раскову в последний путь к кремлёвской стене, где отныне покоится урна с её прахом.

«Честная и яркая жизнь Марины Расковой,— говорил на траурном митинге, состоявшемся на Красной площади, секретарь ЦК ВКП(б) тов. Щербаков,— её подвиги, её светлый образ будут вдохновлять на новые победы лётчиков, всех бойцов Красной Армии и звать всех советских патриотов к ещё более упорной борьбе с нашими смертельными врагами—немецко-фашистскими захватчиками».

Юная смена, воспитанная Мариной Расковой. Звено лётчиц-истребителей (слева направо): младший лейтенант Екатерина Буданова, младший лейтенант Мария Кузнецова и старший сержант Лили Литвяк, храбро сражающиеся в районе Сталинграда. В одном бою они уничтожили «Мессершмитт-109», а старший сержант Литвяк лично сбила «Юнкерс-87».

Фото Б. Цейтлина

ДЕНЬ В СТАЛИНГРАДЕ

Из фотодневника лауреата Сталинской премии кинооператора А. Кричевского

Гордое имя нашей волжской твердыни громом отдаётся в гитлеровской Германии. Здесь, под Сталинградом, нашли свою могилу десятки фашистских дивизий. Остатки гитлеровских банд разгромлены доблестной Красной Армией.

Слава бойцам, командирам и политработникам Донского фронта!

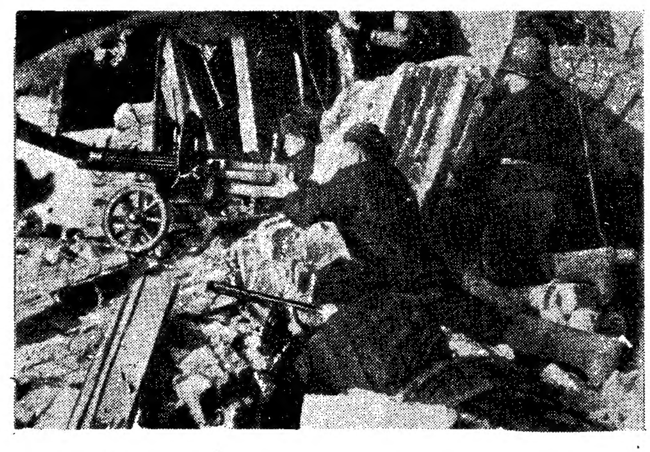
Слава героическим защитникам Сталинграда!

↑ В заводском посёлке идёт бой. Фашисты, засевшие в одном из зданий, окружены, им предоставлен выбор: либо руки вверх либо смерть. Бойцы генерал-майора Гурьева всё теснее сжимают кольцо.

↑ Каждый защитник Сталинграда ведёт свой боевой счёт. Гвардеец Иван Копейкин «заприходовал» 137 уничтоженных фашистских солдат и офицеров. Недавно у Ивана Копейкина во время «прогулки» на одной из улиц в «ничейной» зоне произошла не совсем неожиданная встреча. Ему попался фриц, которого нелёгкая занесла из Германии чуть ли не до самой Волги. Наш богатырь стукнул гитлеровца кулаком по голове с такой «нежностью», что тот очнулся только в нашем блиндаже, куда приволок его Копейкин.

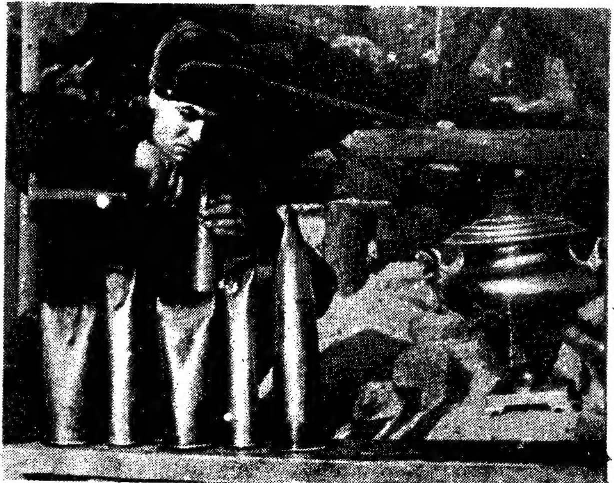

Наши части овладели командной высотой на территории завода. Отсюда они ведут пулемётный огонь по отступающему врагу.

Одна фашистская нора, один дзот за другим переходят в руки защитников Сталинграда. →

Жизнь остаётся жизнью, и война выработала свой особый быт, накладывающий суровый отпечаток на все мелочи будней. Мирный самовар хорошей тульской работы, напоминающий об уюте прошлого, кипит у блиндажа. Сейчас вместо дачной веранды он пристроился здесь, в нескольких десятках метров от противника. ←

Последнее изобретение наших бойцов — очень ходовое на фронте — лампы, сделанные из гильз снарядов. Жаловаться не приходится: лампы достаточно ярко освещают наши блиндажи. →

В Сталинграде можно починить часы. Гвардеец Павел Шумилин известен как опытный часовой мастер. Сегодня его часть уничтожила группу немцев, засевших в доме на соседней улице. Гвардейцы выбили оттуда немцев, и боец Сергей Журавский нашёл здесь стенные часы, повреждённые пулей. Он принёс их в починку Павлу Шумилину. Скоро часы вступят в строй. →

В перерыве между боями можно и отдохнуть, покурить, обменяться впечатлениями. Этому занятию предаются два боевых друга, усевшись у входа в блиндаж. ←

Сердцу советского человека дорог и мил каждый фотоснимок, каждый штрих, запечатлевающий великую эпопею беспримерной обороны Сталинграда. Его грозные будни, его героическая борьба вызывают гордость и восхищение всего советского народа, всего мира.

ДЖОН СТЕЙНБЕК

Луна зашла

Рисунки А. Житомирского

КРАТКОЕ СОДЕРЖАНИЕ ПРЕДЫДУЩИХ ГЛАВ

Маленький мирный городок (очевидно, норвежский) захвачен немцами. Их цель — поработить жителей, выкачать из городка уголь и продовольствие. Жители городка в растерянности. В доме мэра Ордэна появляется начальник оккупационного отряда полковник Лансер, с ним местный коммерсант Корелл — единственный в городе представитель «пятой колонны». Полковник предлагает мэру «ради общего благополучия» перейти к немцам и принять меры к бесперебойной работе шахт. Одновременно он сообщает о своём намерении поселиться у мэра в доме. Мэр говорит: «Не будет ли дозволено мне отклонить эту честь?» «Нет, — отвечает полковник, — таков приказ».

Штаб полковника Лансера располагается в доме мэра. К полковнику приходит Корелл и требует вознаграждения за своё предательство — назначение мэром. Полковник, боясь вызвать волнения среди горожан, отклоняет требование Корелла, рекомендуя последнему направиться в столицу, где тот будет «вознаграждён за свою работу». Корелл отказывается. В эту минуту в комнату вносят труп капитана Бентика, убитого шахтёром Алексом при столкновении с оккупантами.

«Итак, начинается, — говорит полковник Лансер. — Мы расстреляем этого человека, а завтра появится новых двадцать врагов».

3

Люди с угрюмыми лицами двигались по улицам.

То удивление, которое появилось в глазах у жителей городка в первые дни прихода захватчиков, уже исчезло, но ненавистью они ещё не загорались.

В шахтах рабочие угрюмо толкали свои тележки. Мелкие торговцы стояли за прилавками и обслуживали народ, но разговор их был немногосложен.

В гостиной особняка мэра горел камин и было включено освещение: день был серый и морозный. Мэр и доктор Винтер стояли у камина и разговаривали. Посреди комнаты стоял большой квадратный стол, вокруг которого чинно выстроились стулья.

— Хотел бы я знать, сколько времени я ещё удержусь мэром,— сказал Ордэн.— Сейчас происходят непонятные мне дела,— он указал на стол:—Не понимаю, почему они хотят судебное заседание провести здесь. Они собираются судить Алекса Мордэна по обвинению в убийстве того капитана. Вы помните Алекса? У него такая хорошенькая жена — Молли.

— Да, припоминаю,— ответил Винтер. — Она преподавала в городской школе. Как я понимаю, Алекс убил офицера.

— Но почему они хотят судить его именно здесь? Почему его сразу не расстреляли? Ведь никто не сомневается, что это сделал он. Почему же они должны судить его, да ещё в моём доме? — с горечью проговорил мэр.

— Очевидно, для острастки,— проговорил доктор.— Часто люди удовлетворяются внешней формой вещей. И, поскольку это будет происходить в вашем доме...

Он остановился. В комнату вошла молодая красивая женщина.

— Анни сказала, чтобы я повидала вас,— быстро проговорила она.

— Да, да,— сказал мэр. — Вы Молли Мордэн?

— Да. Говорят, что Алекса будут судить и расстреляют.

Ордэн опустил голову. Молли продолжала:

— Говорят, что его судить будете вы. И по вашему решению приговорят.

Ордэн, полный изумления, посмотрел на неё:

— Что такое? Кто это говорит?

— Все в городе! Вы этого не сделаете. Не сделаете, да? — спросила она с мольбой в голосе.

— Откуда все знают то, чего сам я не знаю?

— Это тайна, которая причиняла беспокойство многим правителям во всём мире,— сказал доктор Винтер.

— Алекс — не убийца,— проговорила Молли. — Правда, он вспыльчив, но он никогда не нарушал закона. Его все уважают.

Ордэн положил руку на её плечо и сказал:

— Я Алекса знаю с его детства. И знал его отца.

— Вы не приговорите Алекса? Да? — прервала его Молли.

— Нет,— ответил мэр.—Как я могу приговорить его?

— Все говорят, что вы можете, ради порядка.

Мэр схватился за спинку стула обеими руками.

— Нет,— проговорил он. — Я не вынесу ему приговора. Он не совершал преступления против народа.

Молли заколебалась.

— Но они... они убьют его? — спросила она.

Ордэн удивлённо посмотрел на неё и произнёс:

— Дитя моё, бедное дитя!

Она выпрямилась.

— Благодарю вас,— прошептала она и вышла из комнаты.

Не успела закрыться за нею дверь, как вошёл Иосиф:

— Простите, пожалуйста. Полковник хочет поговорить с вами. Я сказал, что вы заняты. Я знал, что она здесь.

— Хорошо, пригласите полковника.

— Добрый день,— сказал вошедший Лансер. — Я бы хотел поговорить с вами с глазу на глаз.

Винтер вышел; полковник Лансер продолжал:

— Вы мне внушаете симпатию и уважение... Нам нужно поговорить об одном деле.

См. «Огонёк» № 3.

Ордэн молчал.

— Есть вещи, которые довлеют над нами. Этот человек убил офицера.

Наконец Ордэн заговорил:

— Так отчего же вы не расстреляли его? Это было бы вполне своевременно.

Лансер покачал головой:

— Если бы я даже и согласился с вами, это не составило бы никакой разницы. Вам так же хорошо, как и мне, известно, что наказание имеет своей целью главным образом предотвратить возможное преступление. И, таким образом, раз наказание имеет в виду в большей мере остальных, чем самого наказуемого, оно должно быть публичным. Более того: оно должно иметь, так сказать, театрализованную форму.

Ордэн отвернулся и выглянул через окно на темнеющее небо.

— К вечеру пойдёт снег,— сказал он.

— Мэр Ордэн, вы знаете, что наши приказы неумолимы. Нам нужен уголь. Если ваш народ непослушен, мы силой заставим его быть послушным,— голос его стал грубым. — Мы обязаны расстреливать, раз это вызывается необходимостью. Если вы хотите обезопасить свой народ, то вам придётся помочь нам в поддержании порядка. В настоящее время моё правительство считает мудрым, чтобы кара исходила от местных властей. Это нужно для соблюдения порядка.

— Наши знают,— мягко сказал Ордэн. — Вот она, тайна. — И добавил громким голосом: — Так вы хотите, чтобы я здесь вынес смертный приговор Александру Мордэну?

— Да. И если вы это сделаете, то в дальнейшем предотвратите излишнее кровопролитие.

Люди с угрюмыми лицами двигались по улицам.

Ордэн подошёл к столу, отодвинул кресло с председательского места и сел. И вдруг ему почудилось, что он судья, а Лансер — обвиняемый.

— Ни вы, ни ваше правительство,— сказал Ордэн,— не понимаете нашего народа. На протяжении столетий ваше правительство, единственное во всём мире, терпит поражение за поражением из-за того, что вы не понимаете чужого народа.— Ордэн сделал паузу. — Ваши принципы непригодны для нас. Нас с вами не объединяет закон. Это война. Вы разве не знаете, что вам придётся либо перебить всех нас либо мы современем перебьём всех вас? Со времени вашего появления вы уничтожили законы. Вы ведь сами это знаете.

— Разрешите сесть? — спросил Лансер.

— Зачем вы спрашиваете? Это ещё одна ложь. Если пожелаете, вы можете меня заставить стоять.

— Лично к вам я питаю уважение,— ответил Лансер,— Понимаете? Я могу согласиться с вами, но это ничего не меняет. Тот военный и политический образец, которому я служу, обладает известными тенденциями и известной практикой, которые в то же время неизменны. Шахтёр должен быть казнён публично, потому что, по нашей теории, другие тогда будут воздерживаться от новых убийств.

— В таком случае говорить нам не о чём,— произнёс Ордэн.

— Нет, мы должны говорить. Нам нужна ваша помощь.

Ордэн спокойно сказал:

— Я скажу вам о своих намерениях... Скажите, сколько было ваших пулемётчиков, которые убили наших солдат?

— О, не более двадцати... — ответил Лансер.

— Прекрасно. Если вы расстреляете их,— я осужу Мордэна.

— Вы смеётесь! — сказал полковник.

— Нисколько.

— Вы сами знаете, что это невозможно.

— Знаю,— ответил Ордэн. — И то, что вы требуете, не может быть сделано мною.

— Я так и знал,— произнёс полковник. — Очевидно, Кореллу придётся стать мэром... Вы будете присутствовать на судебном заседании?

— Да. Я остаюсь: Алекс будет не так одинок.

4

Снег пошёл, не дожидаясь вечера.

Уже часам к одиннадцати утра он падал большими, мягкими хлопьями. Неба не было видно. Над городом нависла темень, более мрачная, чем грозовое облако: росла ненависть.

Казалось, что из-за занавесок каждого окна смотрели чьи-то глаза и когда патруль проходил по улицам, все эти глаза — холодные и утрюмые — были устремлены на него.

В гостиной особняка происходило заседание суда. На председательском месте сидел Лансер; справа от него — Хунтер и Тондер. На другом конце стола сидел капитан Лофт. Перед ним лежала груда бумаг. Слева от полковника сидел мэр Ордэн и рядом с ним — Пракле. Около стола вытянулись два солдата с винтовками. Между ними стоял Алекс Мордэн — молодой, высокий, широкоплечий мужчина: глаза его запали, а руки в кандалах то сжимались, то разжимались.

Капитан Лофт читал лежавшую перед ним бумагу:

— «...Когда ему было приказано приступить к работе, он отказался; когда приказание было повторено, обвиняемый набросился на капитана Лофта, угрожая своей киркой. Капитан Бентик, поспешивший на помощь, получил удар в голову». Медицинский акт прилагается. Угодно ли заслушать его?

— В этом нет необходимости,— сказал Лансер.— Не затягивайте.

«...Этот факт засвидетельствован многими нашими солдатами. Полевой суд считает, что обвиняемый виновен в убийстве, и приговаривает его к смертной казни».

Лансер обратился к Алексу:

— Вы ведь не отрицаете, что убили капитана?

Алекс грустно улыбнулся.

— Я его ударил — это правда,— сказал он,— но убил ли я его или нет, я не знаю.

— Хотите дать объяснения? Едва ли что-либо заставит нас изменить решение. Но всё же мы готовы выслушать вас.

Ордэн усмехнулся. Полковник взглянул на него.

— Хотите дать объяснения? — повторил он.

Алекс поднял было руку, но за ней потянулась вторая. Он в изумлении посмотрел на них и, увидев кандалы, опустил руки.

— Я был взбешён,— сказал он.— У меня вспыльчивый характер... Он сказал мне, что я должен работать. Но я свободный человек. Я рассердился и ударил его. Думаю, что крепко... Но не его я хотел...— он указал на Лофта.— Я хотел ударить этого человека.

— Неважно, кого вы хотели ударить. Сожалеете ли вы о том, что сделали? — спросил его Лансер и, обратясь к сидевшим за столом, добавил: — Если он выразит сожаление, это будет хорошо выглядеть в протоколе.

— Сожалею? — спросил Алекс.— Нет, нисколько. Он заставлял меня работать, меня — свободного человека. Он говорил, что я должен работать.

— Вам вынесен смертный приговор. И в этом случае вы не сожалеете?

— Нет, и в таком случае не сожалею,— ответил Алекс, опустив голову.— Вас, может быть, интересует, не сделал бы я этого во второй раз?

— Вот именно.

— Нет, я не сожалею,— отвечал Алекс.

— Отметьте в протоколе, что обвиняемый выразил раскаяние. Приговор приводится в исполнение автоматически. Понятно? —

— Эти люди — оккупанты. Они захватили нашу страну внезапно, предательски, силой.

обратился он к Алексу.— Суд пришёл к единогласному мнению о вашей виновности и приговаривает вас к расстрелу. Капитан Лофт, не упустил ли я тут чего-нибудь?

— Вы забыли обо мне,— произнёс Ордэн.

Он встал, оттолкнул стул, на котором сидел, и подошёл к Алексу.

— Александр,— сказал он,— я выбран всеми вами.

— Да, так.

— Алекс, эти люди — оккупанты. Они захватили нашу страну внезапно, предательски, силой.

— Господин полковник, это недопустимо! — сказал капитан Лофт.

— Ничего. Лучше мы это услышим здесь, чем об этом будут шептаться в городе.

Ордэн продолжал, точно его никто не прерывал:

— При их появлении весь народ был смущён. И я был в смятении. Мы не знали, что делать и что думать. Ты первый внёс ясность. Твой личный гнев оказался началом общего гнева. В городе говорят, что я заодно с ними. Город может узнать правду, но ты, ты... Я хочу, чтобы и ты знал.

Алекс опустил, а затем поднял свою голову.

— Я знаю,— проговорил он.

— Готов ли отряд? — спросил Лансер.

— Да, уже ждёт снаружи.

— Алекс, тебе страшно? — мягко просил Ордэн.

— Да.

— Я не могу сделать, чтобы тебе не было страшно. И мне было бы страшно, и им — этим богам войны — тоже было бы страшно

— Кто командует отрядом? — спросил Лансер.

— Капитан Тондер.

— Алекс, иди, но знай, что эти люди не будут иметь покоя, ни минуты покоя, до тех пор, пока они не уйдут отсюда или не погибнут. Твоя смерть объединит всех нас. Тебе это грустно знать, но это так... Ни минуты покоя.

Алекс зажмурился. Ордэн подошёл и поцеловал его в щёку:

— Прощай, Алекс.

Когда Алекса увели, все присутствующие продолжали сидеть молча. Ордэн смотрел в окно. Он увидал, как на снегу кто-то проворной рукой расчищал небольшую площадку. Он долго смотрел туда, как зачарованный, затем быстро отвернулся и обратился к полковнику:

— Надеюсь, вы знаете, что делаете.

— Послушайте,— отвечал полковник. — Знаем ли мы или не знаем, но мы должны поступать только так.

В комнате наступила тишина. Каждый прислушивался. Но так продолжалось недолго. Вдали раздался ружейный залп. Ордэн провёл рукой по лбу и глубоко задышал. Снаружи раздался выстрел. В комнату посыпались осколки стекла. Лейтенант Пракле схватился рукой за плечо.

Лансер вскочил и закричал:

— Итак, начинается! Вас ранили, лейтенант?

— В плечо,— отвечал Пракле.

Лансер начал отдавать приказания:

— Капитан Лофт, на снегу обнаружьте следы. Приказываю обыскать все дома. У кого найдётся оружие, брать заложником. А вас, милостивый государь,— сказал он, обращаясь к мэру,— придётся взять под стражу. И пожалуйста, поймите это: за каждого нашего мы будем расстреливать по пять, по десять, по сотне ваших.

(Продолжение следует)

Перевод с английского А. Беляева

ЗДЕСЬ БЫЛИ НЕМЦЫ...

Настанет день, когда людоед Гитлер и вся его свора фашистских убийц, поджигателей и грабителей будут держать ответ за все свои злодеяния.

И тогда мы предъявим им счёт. Мы предъявим им счёт за сожжённые города и сёла, за разорённые очаги, за разграбленные музеи и дворцы. Мы предъявим им счёт за тысячи зверски замученных пленных и раненых бойцов и командиров Красной Армии, за невинно пролитую кровь мирных советских граждан.

Героическая Красная Армия, победоносно наступающая, на ряде фронтов, освободила тысячи населённых пунктов, много городов. И всё новые и новые вести о чудовищных зверствах немецко-фашистских оккупантов, о варварском истреблении советского населения, о диких грабежах и насилиях раскрывают перед нами страшную картину хозяйничания гитлеровских бандитов во временно оккупированных районах.

Дикую расправу над мирными советскими гражданами учинили фашистские бандиты в Нальчике. От рук немецких палачей погибло не менее двух тысяч жителей. Недалеко от города, на поле и в противотанковом рву, наши бойцы, выбившие фашистских захватчиков из Нальчика, обнаружили сотни трупов женщин, стариков и детей со следами зверского насилия и надругательства.

В Элисте фашистские разбойники заминировали общественные здания города, облили дома бензином и за два дня до отступления подожгли их. Город горел трое суток. От прекрасных зданий Дома правительства, электростанции, больницы, Дворца пионеров, школ остались только дымящиеся развалины. Более восьмисот жителей Элисты расстреляно гитлеровцами.

В освобождённых районах Сталинградской области, в донских станицах и сёлах, в Великих Луках, — всюду, где ступала нога фашистского зверя, на нашей чудесной земле остались кровавые следы чудовищных преступлений.

Горы трупов, виселицы, опустошённые города, сожжённые сёла — таков путь фашистских захватчиков. Но час возмездия за все эти злодеяния недалёк. За всё им воздастся сполна!

На снимках: вверху—сожжённая немцами школа в городе Калаче, Сталинградской области. Слева (сверху вниз): престарелый житель города Великих Лук, убитый немецкими захватчиками при отступлении; трупы пленных красноармейцев, зверски замученных гитлеровцами в селе Средне-Царицынском, Сталинградской области (два снимка). Внизу: остатки хутора Сухановский (на Дону), сожжённого фашистами. Справа: мирные советские граждане, повешенные фашистскими палачами в одном из населённых пунктов Сталинградской области (снимок найден у немецкого солдата).

НОВЫЕ ПОХОЖДЕНИЯ БРАВОГО СОЛДАТА ШВЕЙКА

(Часть вторая)

М. СЛОБОДСКОЙ

Рисунки О. Верейского

8. ПРЕВРАТНОСТИ ЛЮБВИ

Швейк сел переписывать приказ, а господин фон Райнбах, покончив с неотложными трудами, устроился против зеркала и занялся своей особой. Зеркало было такое пупырчатое и засиженное мухами, что даже Елена Прекрасная получилась бы в нём угреватой, кривомордой и прыщавой, как господин Райнбах. Можно себе представить, каково же было отражение самого господина обер-лейтенанта! Однако Райнбах нисколько не смутился этим. Обставившись баночками, флакончиками, тюбиками с различными мазями и притираниями, он принялся шпаклевать свою физиономию, как старая проститутка перед выходом на промысел.

Господин фон Райнбах любил показываться народу только во всём блеске своей лопоухой красоты. Когда он шёл по деревенской улице, ему мерещилось, что во всех окнах русские красавицы, сплющив о стекло свои приятно вздёрнутые носы, смотрят ему вслед горящими от страсти глазами.

Когда обер-лейтенант в своих мечтах доходил до этого места, он начинал так сильно потеть от гордого счастья, что сразу становился мокрым, как мышь. Но пока всё это было лишь игрой воображения. Уже больше года провёл господин фон Райнбах в России, уже по десяткам деревенских улиц прошёл он, кокетливо выбрасывая лакированные ножки, и ни разу красота его не возбудила ничьей страсти. Иногда, оборачиваясь, он видел в окнах сплющенные о стекло носы и горящие глаза, но эти старушечьи или детские глаза были заплаканы и горели отнюдь не любовью. Уцелевшие молодые женщины, как правило, либо прятались либо уходили в леса к партизанам. И господину фон Райнбаху оставалось только любить под конвоем, с часовым у дверей. Он посылал солдат по деревне на охоту за женщинами, а сам мечтал о той сказочной русской красавице, которая придёт к нему сама.

Но, поскольку красавица не пришла и сегодня, Райнбах, не отрываясь от своих баночек, обернулся к Швейку.

— Пе-перепи... — вопросительно начал он.

— Так точно, переписал,—отрапортовал Швейк, с интересом глядя на манипуляции Райнбаха. — Теперь, осмелюсь доложить, я могу вам помочь, потому что, если вы решили выдавить хотя бы половину своих угрей, в одиночку вы не справитесь с этим и до утра.

— Не суйтесь не в своё дело,—отрезал Райнбах. — Дайте мне красненькую баночку с кремом для рощения волос, которую я вам вчера показывал.

— Осмелюсь доложить, господин обер-лейтенант,— сказал Швейк, — я вам не советую пользоваться этой дрянью. Это — чистое шарлатанство. Я сегодня утром решил произвести опыт и вымазал этой мазью хозяйскую козу, которая начала линять и закидала своей шерстью весь двор. Я потратил на неё весь запас, и что же вы думаете, это помогло? Ничего подобного. Во-первых, она так вырывалась, что из неё шерсть полезла клочьями, а во-вторых, неблагодарная скотина начала бодаться и не хотела успокоиться до тех пор, пока я не вымыл её вашим одеколоном.

— Что? Мой крем, мой одеколон!.. — простонал Райнбах, — Да вы...

— Осмелюсь доложить,—перебил его Швейк,— насчёт одеколона вы напрасно волнуетесь: там на донышке ещё осталось. А мазь жалеть не стоит, потому что, осмелюсь доложить, с этими средствами всегда бывают одни неприятности.

— Замолчите сейчас же, болван! — завизжал Райнбах.— Я вам покажу, как издеваться надо мной! Убирайтесь вон! Впрочем, нет, если вы хотите загладить свою вину, приведите мне женщину.

Швейк невозмутимо повторил приказание и вышел. Обер-лейтенант принялся заканчивать свой туалет.

Через полчаса Швейк вновь появился перед Райнбахом. Опытный наблюдатель разглядел бы на лице бравого солдата следы несвойственной ему растерянности.

— Ну, — спросил обер-лейтенант, — привели?

— Никак нет, — ответил Швейк.

Лиловый от ярости, Райнбах повернулся к Швейку, явно ожидая объяснений:

— Что это значит?

— Осмелюсь доложить, никого не нашёл.

— Вы что, притворяетесь или на самом деле такой кретин? — зловеще спросил Райнбах.

— Осмелюсь доложить: на самой деле, — бодро ответил Швейк.

— Если вы не замолчите, я вас арестую.

Швейк с таким доверием устремил голубые младенческие глаза на Райнбаха, что оберлейтенант только махнул рукой.

— Ну, почему вы такой болван? — с отчаянием спросил он.

— Осмелюсь доложить, это мне неизвестно, — откровенно ответил Швейк. — Если прикажете, я пойду поищу кого-нибудь.

Обставившись баночками, флакончиками, тюбиками с различными мазями и притираниями, он принялся шпаклевать свою физиономию.

— Нет, нет!—испуганно замахал руками Райнбах. — Лучше пойдите посмотрите, как караулят партизана, которого утром поймал фельдфебель Зинде, и скажите ему...

Но он не успел договорить: произошло долгожданное чудо, которое столько раз мерещилось господину фон Райнбаху.

В дверь тихо постучали.

— Войдите,— сказал Райнбах и обернулся.

На пороге стояла красавица. Всю жизнь обер-лейтенант фон Райнбах ждал этой минуты. И теперь, когда он поднялся навстречу неожиданной гостье, глаза его засверкали нестерпимым сиянием, а в душе неземная музыка заиграла польку-кокетку. От счастья он почти перестал заикаться.

— Здравствуйтесь, Маньечка. Заходитесь. Садите себя,— блеснул Райнбах знанием русского языка.

— Почему Манечка? — удивилась девушка.— Меня зовут Варя.

— Варья!—восхитился Райнбах.— Это великолепно,—и нежно улыбаясь, он обратился к гостье:—Я очень вундербар... как это по-русски? Я есть радостник, нет, я есть довольник.

— Счастливчик,— подсказала Варя.

— Да, да,—радостно зажигал Райнбах.— сделайте нам ужин, Швейк. Поставьте вино, сардины, конфекты. Устройте пир.

Пока бравый солдат собирал на стол, Райнбах беседовал с гостьей. Варя сказала, что она из соседней деревни. Там ей было очень скучно, потому что все мужчины ушли в партизаны, а она партизан терпеть не может. Она считает, что только немцы — настоящие мужчины, а из немцев самый интересный обер-лейтенант, которого она случайно увидела, когда приходила в Крушино.

Этот рассказ довёл страсть обер-лейтенанта до белого каления. Он разыскал стихи, которые сочинил на всякий случай ещё в первые месяцы войны, пользуясь русско-немецким словарём. Через полчаса за столом, когда было поднято уже пять тостов за любовь, господин фон Райнбах прочитал это выдающееся произведение искусства.

— Варья,— гордо сказал он,— я писун есть. Вот что я написовал.

И, опрокинув для храбрости ещё стакан вина, господин фон Райнбах огласил избу поэтическим воплем своего сердца:

«Их бин фон Райнбах. Я ваш любитель.
Я есть немецкий герой для вам,
Я есть средечный всех покоритель,
Любовь арийский я вам отдам».

Обер-лейтенант под влиянием винных паров решил перейти от слов к делу и схватил свою гостью за руку.

— Нет, нет,— сказала Варя, отстраняясь,— вы ещё не доказали мне своей любви, господин обер-лейтенант. Вы не исполнили ни одного моего каприза.

— Битте! — воскликнул Райнбах.— Я сделай для вас всё.

— Вот вам случай угодить мне,— сказала Варя.— Прикажите привести партизана, который сидит у вас в подвале.

— Зачем? — удивился Райнбах.

— Ну, я прошу, — умильно сказала она.

Против этого довода обер-лейтенант устоять не мог.

Когда Швейк ввёл арестованного, Райнбах стоял на коленях перед своей гостьей и пытался поцеловать её колено. Девушка отстраняла ногу, и пьяный ухажор тупо, как щенок, тыкался мордой в стул.

— Битте,— сказал он, увидев партизана.— Привели. Теперь поцелуй свой котик.

— Сейчас,— сказала Варя и обернулась к вошедшему.

Увидев её, партизан сделал шаг назад.

— Узнал? — зло сказала Варя и, видя, что он хочет что-то ответить, крикнула:— Молчать! Это мой сосед, господин обер-лейтенант. Он когда-то сватался ко мне. Ну что, Иван Кузьмич, нравится тебе твоя невеста? Молчишь? Ты, небось, думал, что я к партизанам уйду, в лес, картошку лопать, да? А я оказалась не дура. Сардины,— они вкуснее. И вино мне нравится. Хочешь винца? Молчишь? Ах, ты молчишь? Гордишься? Ну, я тебе сейчас погоржусь. Дай мне пистолет, котик.

— Швейк,— сказал Райнбах,— дайте ей, пусть постреляет. Поищите там, а то я не могу подняться.

Швейк достал пистолет и передал его девушке:

— Осмелюсь доложить, господин обер-лейтенант, мне кажется, что доверять женщине оружие... Ой, что вы делаете!

— А ну, руки вверх! — неожиданно спокойно сказала Варя, направляя пистолет на Райнбаха.— Быстрей, быстрей, котик паршивый. Иван Кузьмич, надевай его шинель, фуражку, сапоги и уходи. Да, пупсик, какой сегодня пароль?

— Бе-бе-бе... — начал ошеломлённый Райнбах, который снова потерял дар речи.

— Быстрей, а то я тебя прикончу, жаба прыщавая.

— Бе-бе-бе-бе... — заторопился обер-лейтенант, но от спешки стал заикаться ещё больше.

— Осмелюсь доложить, пароль — Берлин,— сказал Швейк.— Кстати, возьмите фонарик, потому что господин обер-лейтенант всегда с ним ходит. Счастливого пути.

— Погодите,— сказала Варя,— по-моему, теперь и мне можно собираться. Запеленайте своего лопоухого покрепче.

— Осмелюсь доложить, господин комендант, я не виноват,— сказал Швейк, запихивая полотенце в рот Райнбаха.— Я это делаю по принуждению.

Через минуту Райнбах был обмотан, как катушка. Из-под жгутов, ремней и полотенец торчали только огромные уши и лакированные ножки.

— Прощай, покоритель,— презрительно сказала Варя и, повернувшись к Швейку, приказала:— А вы пойдёте со мной до околицы, как будто меня провожаете. Если вы пикните, я пущу вам пулю в бок. Понятно?

Швейк взял Варю под руку, а она незаметно упёрла ему в бок дуло пистолета. На дороге бравый солдат обернулся и весело заметил, обращаясь к своему связанному начальнику:

— Осмелюсь доложить, господин обер-лейтенант, девушка пришла к вам, а с ней под руку ухожу я. По-моему, это как раз и называется «превратности любви»!

(Продолжение следует.)

См. «Огонёк» № 3.

ЧУДЕСНЫЙ УСКОРИТЕЛЬ

Як. ШУР

СКЛЯНКА ПРОФЕССОРА ГИББЕРНА

— Представьте себе пузырёк, вот как этот,— сказал своему другу профессор Гибберн и взял со стола зелёную склянку.— В этом бесценном пузырьке заключена возможность думать вдвое скорее, вдвое скорее двигаться, вдвое быстрее работать...

— Но разве это возможно?

— По-моему, да...— ответил учёный-физиолог.— Мне даже сдаётся, что я такой состав знаю. По крайней мере кое-чего в этом отношении я уже достиг...

И действительно, вскоре профессор изобрёл какое-то таинственное снадобье. Оно заставляло мозг и мускулы работать не вдвое, а во много раз быстрее, чем обычно. Когда Гибберн со своим другом принял несколько капель из пузырька, они произвели такое действие, какого не ожидал сам учёный.

Необыкновенный ускоритель одарил их удивительной способностью в краткие мгновения выполнять дела, требующие долгого времени. Да, время для них как бы раздробилось на микроскопические, неощутимые для всех людей частицы. Ничтожные доли секунды вдруг приобрели неведомую раньше реальную ценность. По сравнению с этим стремительным темпом весь мир казался застывшим, окаменевшим в своей непривычной неподвижности.

Забавные приключения профессора Гибберна и его приятеля всерьёз описывает Уэллс в одном из ранних своих рассказов — «Новейший ускоритель». «Можно ли обогнать время?» — к этой теме не раз возвращался знаменитый английский писатель, но даже его фантазия блекнет перед чудесными возможностями современной техники. Вот один из многочисленных примеров...

УРАЛЬСКИЕ ФРЕЗЕРЫ

Сборочный цех уральского завода требует очень много «ушек». Деталь эта несложная, и изготовляется она совсем просто на фрезерном станке. Каждая заготовка закрепляется отдельно и обрабатывается набором фрез. Стахановцы завода придумали приспособление, которое позволило одновременно зажимать в тиски не одну, а две детали. Почти вдвое быстрее стали работать фрезеры, но всё-таки с заданием своим справлялись туго. Производство росло ещё быстрее, и деталей требовалось всё больше и больше. Пожалуй, придётся для этих незатейливых «ушек» выделять дополнительные станки, а оборудования и так не хватает.

Тогда молодой конструктор Ханин задумал ускорить обработку дефицитных деталей. Что нужно для этого,— догадаться нетрудно.

Фрезерный станок работает с перерывами на ручные операции. Пока фрезеровщик вручную снимает обработанную деталь, устанавливает и закрепляет заготовку, станок «отдыхает». Пусть на такие вынужденные простои расходуется всего 25—30 секунд, но по секундам накопляются минуты, из минут вырастают часы. Чем меньше времени уйдёт на неизбежные ручные операции, тем дольше без перерывов будет работать станок.

Всё это совсем ясно и просто, но как сократить «ручное» время и за его счёт увеличить «машинное»? Конструкция «ушек» не позволяла сразу закреплять больше двух заготовок. Впрочем, если бы даже это и удалось, всё равно станок может одновременно обрабатывать только две таких детали. Увеличить производительность станка казалось невозможным, но Ханин нашёл другой ключ к неразрешимой задаче.

Он конструирует и сам мастерит поворотный стол с чугунным барабаном. В прорезях барабана сразу закрепляются два десятка заготовок. Когда одна пара заготовок обработана, стол автоматически поворачивается и подаёт под фрезы станка следующую пару заготовок, затем — третью, четвертую, пятую...

Вот изготовлена очередная пара деталей. Рабочий, не останавливая станка, снимает эту пару «ушек» и закрепляет вместо них две новых заготовки. Ручная операция, которая раньше прерывала работу станка, теперь не задерживает его ни на одно мгновенье.

Конструктор Ханин совершенно отделил ручное время от машинного, механизировал подачу заготовок, и фрезерный станок стал работать непрерывно—он превратился в полуавтомат. В первый же день неопытный фрезеровщик, пользуясь поворотным столом, дал вместо 66 «ушек» по норме почти в 15 раз больше — 960. А стахановец Черёмухин увеличил производительность труда в 60 раз!

За одну смену Черёмухин выполнил двухмесячное задание. Нехитрое приспособление позволяет сократить целый год труда до одной шестидневки. Разве это не чудесный ускоритель?!

Но это—ещё не всё. Таким же способом можно изготовлять не один «ушки». В механическом цехе завода методом непрерывного фрезерования стали пользоваться для обработки десятков других деталей. Только в одном цехе одного завода сбережённые секунды дают ежедневно тысячи различных деталей дополнительно. А на других заводах? Сколько миллионов рабочих часов можно сэкономить, если широко распространить подобное приспособление на всех предприятиях, где оно применимо!

Разумеется, не всегда легко и просто использовать найденный на «родственном» предприятии новый метод труда. Если бы это было так, совсем нетрудно было бы давать по две—три и более норм за смену. Нередко такое усовершенствование, новый способ работы нужно ещё умело приспособить к своеобразным, иногда более сложным условиям. И очень важно использовать опыт смелых новаторов для того, чтобы непрерывно совершенствовать производство, создавать новые «ускорители». Широкий простор открыт здесь для творческой инициативы конструкторов и стахановцев-рационализаторов.

Ведь многочисленны и разнообразны детали, изготовляемые на станках, и у каждой из них свой норов, свои капризы и прихоти. Обработка некоторых, особенно строптивых деталей поглощает много времени. Находчивость, изобретательность помогают сократить срок работы.

Вот, например, важная кольцевая деталь, которая в специальной оправке разрезается на 6 частей. Хотя и несложна эта операция, но выполнялась она очень медленно, и ускорить её никак не удавалось, пока за это дело не взялся опытный, искусный фрезеровщик Малаха. Он и не пытался ускорить самый процесс обработки, а занялся оправкой. Нельзя ли вставлять в неё вместо одной две—три или больше деталей? Успех превзошёл ожидания. Малаха так реконструировал оправку, что оказалось возможным одновременно разрезать 22 детали. А работница Хралькова при помощи этой обновлённой оправки дала за смену почти 26 норм. Месячное задание она выполнила в один день!

Поистине исключительного успеха добился выдающийся стахановец-новатор Монаков, один из первых тысячников завода имени Чкалова. Знатный фрезеровщик придумал ряд приспособлений. Они не только дали возможность сразу обрабатывать вместо одной 24 детали, но кроме того позволили объединить ряд последовательных операций в одну.

Благодаря этим приспособлениям работа одного стахановца заменила труд десятков квалифицированных рабочих различных профессий, 30 разметчиков и фрезеровщиков, 63 строгальщиков, 55 слесарей. За 8 часов Монаков дал свыше 148 норм и выполнил сменное задание почти на 15 тысяч — 15 тысяч! — процентов. Творческая мысль стахановца «сократила» 5 месяцев до нескольких часов. О таком ускорении вряд ли мог мечтать даже профессор из фантастического рассказа Уэллса!

СЕКРЕТ ТЫСЯЧНИКОВ

Разнообразные приспособления применяются не только на фрезерных станках. На заводе, где своими победами прославился лауреат Сталинской премии Дмитрий Босый, по его почину разгорелось замечательное соревнование мастеров своего дела.

Фрезеровщик Босый изготовлял одновременно 3 детали, а токарь Тройников на своём станке стал обрабатывать одну деталь сразу 3 резцами. Строгальщик Глушин изобрёл приспособление, посредством которого можно одновременно обрабатывать вместо 5—32 детали, а слесарь-сборщик Кузнецов часть своих ручных работ автоматизировал при помощи пневматического дреля и дал свыше 10 норм за смену.

Тысячниками стали на этом заводе инструментальщики Дианов, Нефёдов, Высоцкий и многие другие новаторы производства.

Сотни тысяч станков готовят грозное для врага оружие. Полностью ли использованы их возможности? Нет. Наши конструкторы, стахановцы, рационализаторы показывают, какие богатые резервы ещё таятся в каждом станке. Найти их, пробудить к жизни может каждый станочник, если он мастерски овладел своим делом, любит его и постоянно помнит о том, что готовит машины для фронта, боевые машины, орудия, снаряды. От их числа и добротности зависят темп нашего наступления и сроки победы над ненавистным врагом.

Военными темпами строится новый металлургический завод в городе Н. Строители обязались в кратчайший срок ввести в действие новую кузницу вооружения для героической Красной Армии.

Фото И. Мальского (ТАСС)

Литературные новинки

ВЕЛИКАЯ НАДЕЖДА

Бывают книги, написанные спокойным, ровным тоном, без единого громкого слова—скромные как будто книги, а волнуют они глубоко и запоминаются надолго.

«Бог войны» Бориса Галина («Советский писатель») принадлежит к числу таких книг.

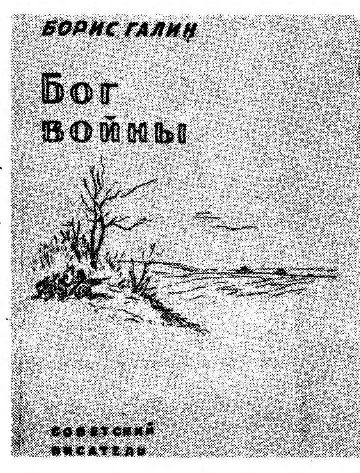
Казаки, лихо действующие на разных участках обширного фронта, учительница из маленького украинского посёлка — обыкновенная, беспартийная советская женщина, которая вдруг чувствует необыкновенный прилив сил и мстит немецкому офицеру за все страдания родной страны, за всех её поруганных женщин; донбасские шахтёры, яростно защищающие свои родные края; воинский почтальон, доставляющий на самую линию огня долгожданные письма; командиры, комиссары, бойцы, изо дня в день мужественно выполняющие свой долг перед родиной,— вот герои Бориса Галина.

Даже в самые тяжёлые, в самые опасные минуты своей жизни они действуют спокойно и уверенно, нигде и никогда не теряют самообладания.

Старый шахтёр, по прозвищу Громобой, в очерке «Семь ракет» пойман немцами. Его долго били на допросе прикладами. «Он молча хрипел и выплёвывал из лёгких чёрную, угольную харкотину. Он уже считал, что наступил конец, превозмогал боль, думал о том, что «мы своё сделали». (Мы — это он и его жена.)

Даже самоё смерть герои Галина принимают со спокойным достоинством.

Но он не умер — Громобой. Воспользовавшись благоприятным случаем, он бежал из немецкого застенка, пробрался в родной посёлок, в непосредственной близости от фронта, побывал у жены и отправился дальше, через линию фронта, к своим. Он обещал жене, если верны слухи о

том, что Красная Армия перешла в наступление, пустить столько ракет, сколько городов и посёлков Донбасса освобождены от немецких захватчиков.

Громобой благополучно перебрался к своим. Слухи об успешном наступлении Красной Армии подтвердились. Но как дать знать об этом старухе? Освобождено 490 населённых пунктов. Откуда взять такую прорву ракет? Всего только семь ракет он сумел выпросить.

«Шахтер забормотал: «Она там ждёт». И все семь ракет одна за другой взлетели в небо. Долго висели в скованном морозном воздухе голубые полосы. Шахтёр следил за их полётом и шептал: «Скоро, братья, скоро». Ему казалось: не только старуха, но весь Донбасс видит эти ракеты — ракеты великой надежды».

Есть в книжке единственный человек, предавшийся на некоторое время тягостным размышлениям,— это подполковник Сидоров. Ему сообщили из дивизии по телефону, что он должен расстаться с полком, так как получает более высокое назначение.

«Он до того расстроился, что, положив трубку, долго не мог и слова вымолвить. Помощник вопросительно взглянул на него.

— Сватают,— коротко сказал подполковник.— Сосватали, дорогой».

«Прощай, 109-й» — превосходный, лирический очерк, в котором со свойственным Галину простотой и естественностью показана глубокая сердечная привязанность командира к своему полку. Подполковник прожил с ним двенадцать лет. Воспоминания теснят ему душу, возникают одна за другой картины жизни в полку... В прощальную ночь, в последнюю ночь перед тем, как сдать полк, всё вспомнил его командир: все битвы, все славные победы, все тяжёлые поражения, которые не сломили духа бойцов, но научили их драться ещё яростнее, ещё лучше и крепче прежнего, и всех товарищей своих, всех незабываемых друзей по полку, с которыми вместе жил и сражался...

Когда эта спокойная, написанная ровным тоном книжка прочитана, читатель хорошо почувствует силу её героев. Они бесстрашны и деятельны. Они непримиримы, и никакая опасность не в состоянии ослабить их волю к борьбе.

А. Эрлих.

ЛИТЕРАТУРНОЕ НАСЛЕДСТВО ЛЕРМОНТОВА

Радостно сознавать, что эта замечательная книга появилась на книжных полках и на витринах в трудные дни войны, в начале второй военной зимы. Перед нами очередной выпуск «Литературного наследства» — толстый, тяжёлый том в простом и строгом коричневом переплёте. Отличная бумага; почти тысяча страниц текста; около трехсот превосходно выполненных иллюстраций; пятнадцать статей и исследований, посвящённых творчеству Лермонтова и принадлежащих перу видных советских учёных и литературоведов...

Статьи и исследования, собранные в книге, были задуманы как отклик на сотую годовщину со дня смерти поэта. При всём разнообразии тематики эти статьи объединены общей тенденцией — стремлением пересмотреть прочно установившиеся, но давно устаревшие взгляды на творчество Лермонтова, поднять ряд новых вопросов, связанных с изучением его жизни и поэзии, и, в конечном счете, восстановить подлинный образ Лермонтова—великого народного поэта-патриота, поэта-гражданина и борца, носителя самых передовых политических идей своего времени.

В этом плане особенный интерес представляют работа Б. Эйхенбаума «Литературная позиция Лермонтова», как бы подводящая итоги всему тому, что достигнуто советской литературной наукой в области изучения Лермонтова; работа В. Асмуса, впервые выясняющая философские и эстетические взгляды поэта; статья А. Фёдорова, в которой подвергнуто решительному пересмотру традиционное представление о связях Лермонтова с мировой литературой.

Много новых мыслей и нового материала вводят в научный обиход работы М. Азадовского и М. Штокмара, посвящённые мало разработанному, но очень важному вопросу о народности творчества Лермонтова, о народно-песенной стихии его поэзии. Очень интересен собранный Г. Виноградовым материал о проникновении лермонтовских стихов в песенную культуру народа. Такие произведения, как «Казачья колыбельная песня», «Тамара», «Тростник», «Выхожу один я на дорогу», «Узник», «Соседка» и многие другие, давно стали народными песнями.

Помимо нескольких специальных работ, освещающих проблемы лермонтовского стиля, языка, стихотворного мастерства (работы И. Розанова, Б. Томашевского, В. Виноградова и др.), мы находим в сборнике статью В. Комаровича, анализирующую историю создания «Маскарада», и очень интересную работу Л. Гроссмана — «Лермонтов и культуры Востока». Последняя работа построена на обширном и свежем материале, никогда не привлекавшемся к изучению. Рассматривая драму «Испанцы», автор показывает Лермонтова как убеждённого проповедника равенства между народами, борца против расовой нетерпимости.

В. Жданов

Из прошлого

У ВОЛЫНСКОГО РЕДУТА

Н. ШИХЕЕВ

Нет нужды подробно рассказывать здесь о героизме участников знаменитой обороны Севастополя в дни Крымской войны 1853—1856 годов, о беззаветной храбрости и стойкости русских солдат и матросов, отражавших в течение долгих одиннадцати месяцев натиск превосходно вооружённых и экипированных войск...

Эту изумительную стойкость русских солдат вынуждены были признать и враги. Так, адъютант 95-го французского пехотного полка Жорж Эрбе в своих письмах семье (опубликованных впоследствии в Париже) приводит замечательный пример преданности русского солдата воинскому долгу.

Прочтите эти строки, написанные французским офицером, и вы согласитесь, что никаких комментариев здесь не требуется...

«8 июня 1855 года. Волынский редут под Севастополем.

Любезные родители!

Вчера после штурма, в котором участвовал горячо любящий вас сын, над Волынским редутом взвился флаг великой Франции. Впервые за девять месяцев проклятой осады Севастополя мы одержали успех над русскими. Первый успех! Четыре дивизии — 35 тысяч бравых французов.— были брошены на девять сотен защитников трёх передовых русских редутов. Дрались русские, как львы, умирали, как герои, но мы растоптали их, правда, ценою потери шести с половиной тысяч человек.

Благочестивыми молитвами матушки я остался жив и невредим. Когда бой к ночи стих, мы, изнемогая от усталости, заснули под открытым небом, положив головы на трупы товарищей и врагов.

Я проснулся от головной боли. Раскалённое солнце стояло высоко. Вокруг было страшное зрелище. На изрытой ядрами площадке редута, на искалеченных пушках и обвалившихся брустверах — всюду валялись трупы, трупы и сотни раненых без помощи, без глотка воды под безжалостным солнцем.

Спасаясь от нестерпимого зноя, я забрёл в землянку и присел на скамеечку в раздумье. Когда наша армия высаживалась в сентябре прошлого года на берег Крыма, мы отплясывали друг с другом ригодон в надежде плясать его через два—три дня с севастопольскими красавицами в их чудесном городе. Ничего невероятного в этих надеждах не было. С суши Севастополь был беззащитен. Но русские — удивительный народ! В два—три дня они превратили город в грозный, укреплённый лагерь, принудив нас отказаться от немедленного штурма и перейти к осаде, опустошающей наши ряды ядрами и тифом уже десятый месяц.

В этих невесёлых размышлениях я рассеянно глядел в глубь землянки, на полусорванную, разбитую дверь, ведущую в пороховой погреб, и на валявшегося вблизи русского солдата с размозжённой ногой. Заполз он сюда, вероятно, подобно мне, чтобы укрыться от солнца. Он был мал ростом, нешироких в плечах. На лице, изнурённом тревогами боевой жизни, блестели умные голубые глаза. Это был какой-то удивительный, странный блеск! Раненый не стонал, только испарина на лбу говорила о его страданиях. За ним к выходу тянулся кровавый след.

Мне стало жаль его. Поленятся заглянуть сюда санитары, и он, брошенный и забытый, истечёт кровью. Я приказал капралу вынести его на воздух. Капрал брезгливо покосился на русского, но тотчас вызвал четырёх солдат. Раненого унесли.

Меня вызвали к полковнику, и только часа через два я вернулся в землянку. К удивлению моему, у полусорванной двери, сквозь щели которой виднелись бочки с порохом, опять лежал тот же раненый. Глаза его попрежнему горели тем же странным блеском. В руках он что-то держал и при моём появлении судорожно стиснул ладони, словно пряча какие-то сокровища.

Заподозрив его в намерении поджечь порох и взорвать себя и нас, я выхватил пистолет и крикнул проходившему мимо землянки капралу:

— Сюда! Ко мне без промедления!...

— Что угодно, капитан? — спросил встревоженный, запыхавшийся капрал.

— Не мешкая, обыщите его!

Раненый отчаянно сопротивлялся. В его левой ладони нашли медный нательный образок, на земле у груди спичку с истёртой об образок фосфорной головкой, а в другой ладони ещё две спички, с целыми головками.

Я мог без суда пристрелить раненого на месте, но меня изумило бескорыстие его подвига. Он готов был исполнить свой долг, не заботясь о том, что его геройское имя останется неизвестным народу и родине. Я убрал пистолет и приказал капралу:

— Разыщите санитаров и тотчас отнесите раненого в госпиталь.

Любезные батюшка и матушка! Посылаю вам образок со следами красного фосфора, чтобы и вы почувствовали, что за удивительный народ — эти русские. Когда кончится эта проклятая война, милость, которую я буду просить у бога, — это не сражаться более против русских. **Вместе с ними — да, и никогда против них!**

Любящий вас сын
ЖОРЖ ЭРБЕ».

· Театр · Кино · Музыка ·

ФИЛЬМ О КОТОВСКОМ.

(Центральная объединённая киностудия)

Имя славного комкора Григория Котовского золотыми буквами вписано в историю гражданской войны. Это его назвал Сталин «храбрейшим среди скромных наших командиров и скромнейшим среди храбрых». Это о нём писал Фрунзе как о лучшем боевом командире, чей голос был грозой для врагов советской земли и чья шашка была лучшей её оградой.

Отряд, бригада, дивизия и корпус Котовского, сражаясь на многочисленных фронтах, не знали поражений и покрыли себя воинской славой.

Необычайно красочна вся биография Котовского. Сын бессарабского рабочего-механика, он с детских лет был свидетелем жесточайшей эксплоатации молдавского народа. Ненависть к помещикам Бессарабии и боярам Румынии зажгла его сердце священным огнём и толкнула на самоотверженную борьбу с угнетателями. Ни тюрьмы, ни кандалы — ничто не могло сломить железную волю Котовского. Он совершает беспримерно смелые и дерзкие побеги, неожиданно появляется в помещичьих домах под видом гостя-аристократа, жестоко расправляется с тюремщиками и полицией, отбирает у владетельных магнатов кабальные долговые расписки и ростовщические векселя и либо уничтожает эти позорные документы угнетения, либо возвращает их крестьянам. Одно имя Котовского заставляло трепетать угнетателей. И это же имя с любовью и гордостью передавалось из уст в уста батраками как символ свободы, как надежда на раскрепощение.

Фильм «Котовский» в ярких образах раскрывает перед зрителем и романтическую юность этого благородного мстителя и его боевой путь в годы гражданской войны, когда герой молдавского народа стал таким же любимым героем нашей страны, как Чапаев и Щорс.

При царизме с горсточкой храбрецов наводит он ужас на помещичью Бессарабию. Во главе небольшого отряда таких же отчаянных и горячих бойцов обращает он в бегство банды немецких и румынских захватчиков, пытавшихся задушить молодую Республику советов.

В фильме хорошо показан духовный рост этого замечательного человека, постепенно превращающегося из борца-одиночки в большевика-ленинца, в полководца сталинской школы. Железной рукой он не только разит насмерть врагов, но и ведёт беспощадную борьбу с расхлябанностью и зазнайством, с косностью. «Воюют не числом, а уменьем», — повторял Котовский гениальную заповедь Суворова. «Победу решает алгебра, высшая математика», — говорил Котовский. Данные разведки и изучение карты сочетал он со всеми особенностями сил и настроений людей — своих и неприятельских. Это называл он «математической психологией».

— Одесса — мечта армии! — восклицает Котовский перед своим знаменитым рейдом. — Мечту тоже надо класть на счёты.

Роль Котовского с блеском и темпераментом исполняет артист Н. Мордвинов. Внешняя обаятельность соединяется в этом исполнении с исключительной внутренней силой, с благородством и чистотой. Котовский-Мордвинов неукротим в бою, трогателен в отношениях с друзьями, с женой. Огонь и ярость взгляда вдруг уступают место доверчивой детской улыбке, раскатистому, весёлому смеху.

Много мастерства вложили в исполнение своих ролей и остальные артисты фильма: В. Ванин (комиссар Котовского Харитонов), В. Марецкая (доктор — жена Котовского), А. Астангов (князь Каракозен), Н. Крючков и др.

Больших похвал заслуживает работа режиссёра и постановщика А. Файнциммера и оператора М. Гиндина. Фильм снят и смонтирован в крепком, энергичном темпе.

Верными, запоминающимися красками охарактеризовал постановщик бытовые детали захваченной немцами белоэмигрантской Одессы.

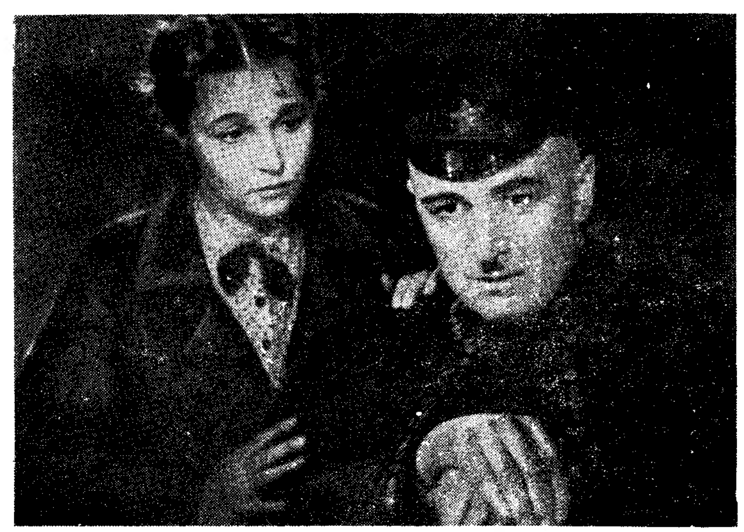
Великолепно сняты кадры боёв, конных атак. Сильное впечатление оставляет глубоко содержательная эмоциальная симфоническая музыка композитора С. Прокофьева.

Фильм «Котовский», воссоздавая на экране один из замечательных образов прошлого, всем своим существом обращён к современности — к сегодняшним героическим боям с фашистскими захватчиками и их румынским охвостьем.

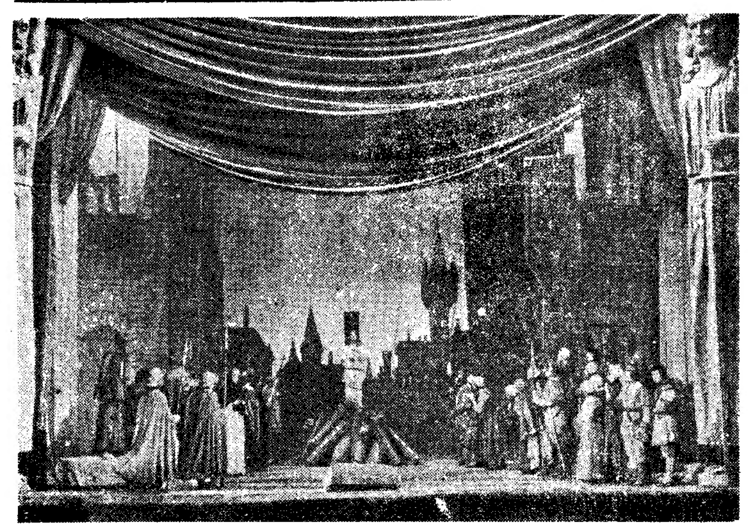
О. ЛЕОНИДОВ

Кадр из фильма «Котовский». В роли Г. И. Котовского (в центре) лауреат Сталинской премии заслуженный артист РСФСР Н. Мордвинов.

Кадр из фильма «Котовский». Заслуженные артисты РСФСР В. Марецкая и Н. Мордвинов.

В оперном театре имени Чернышевского в Саратове состоялась премьера оперы Чайковского «Орлеанская дева». На снимке: финал оперы.

Фото А. Воротынского

ФРОНТОВАЯ ГРУППА ВАХТАНГОВЦЕВ

Герой пьесы — журналист Владимир Малолетков, военкор Ленинградского радиокомитета. Кольцо блокады окружает Ленинград, родной город Малолеткова; он, как и другие, становится фронтовиком — фронтовым корреспондентом.

«Слушайте меня, люди! Вы должны знать, как это было в Ленинграде в 1941 году!..»

Малолетков не заканчивает этой речи по радио: он смертельно ранен. Но фашистам не удаётся заглушить голос своего обвинителя: другой ленинградец становится перед микрофоном и продолжает прерванную речь фронтового корреспондента.

Героическая оборона Ленинграда — таков стержень, на котором построена пьеса Л. Левина и И. Меттера «Наш корреспондент», которую перед своим отъездом на Воронежский фронт показал театральной общественности Москвы коллектив фронтовой группы Государственного театра имени Евг. Вахтангова (режиссёр — А. Габович, художественное руководство спектаклем — заслуженная артистка республики А. Орочко и А. Ремизова).

Вахтанговцам удалось создать правдивые, жизненные образы защитников героического города — Героя Советского Союза Тимохина (артист И. Соловьёв), журналиста Малолеткова (артист А. Граве), мальчика Алёши (артистка И. Васильева), с недетским мужеством переносящего своё горе — смерть отца, — и Берёзкина (артист В. Покровский), маленького человека, почти обывателя, который находит силы преодолеть себя, превозмочь свой страх и подняться до высот подлинно человеческого.

Фронтовая группа театра имени Вахтангова существует почти год. В неё входят представители всех поколений театра: и участник первого представления «Турандот», и исполнители основного репертуара последних лет: «Достигаева», «Соломенной шляпки», «Ревизора», — и театральная молодёжь.

Кроме «Нашего корреспондента» и концертной программы в репертуаре бригады пьеса Арбузова и Гладкова «Бессмертный» и выдержавшая уже более 100 представлений комедия Вл. Дыховичного «Свадебное путешествие», весёлый рассказ о невообразимой, очень смешной путанице, к которой привела попытка двух друзей, молодых аспирантов-океанографов, отговорить третьего своего друга от женитьбы, гибельной, по их мнению, для его научной карьеры.

«Основная задача нашего коллектива, — говорит режиссёр А. Габович, — донести до зрителя-фронтовика настоящий, полноценный спектакль».

Вахтанговцы справляются с этой задачей: они несут на фронт высокую театральную культуру, подлинное, вдохновляющее искусство.

Маленький коллектив с энтузиазмом отдаётся своему делу. Бригада побывала почти на всех фронтах, дала до 350 спектаклей.

Л. ЛОЗИНСКАЯ

Сцена из II действия пьесы «Наш корреспондент» в театре имени Вахтангова. В роли журналиста Малолеткова артист А. Граве.

МЕТКИМ СЛОВОМ ПО ВРАГУ

Поговорки белорусских партизан

Мы и там, мы и тут —
Скоро Гитлеру капут.

—O—

Тёмная ночка — день
партизанский.

—O—

Для нас копают ямы,
Но лягут в них сами.

—O—

Одна зима трясла им души,
Другая — совсем задушит.

—O—

За наше жито
Куча врагов побита.

—O—

Дай фашисту под ребро —
Себе сделаешь добро.

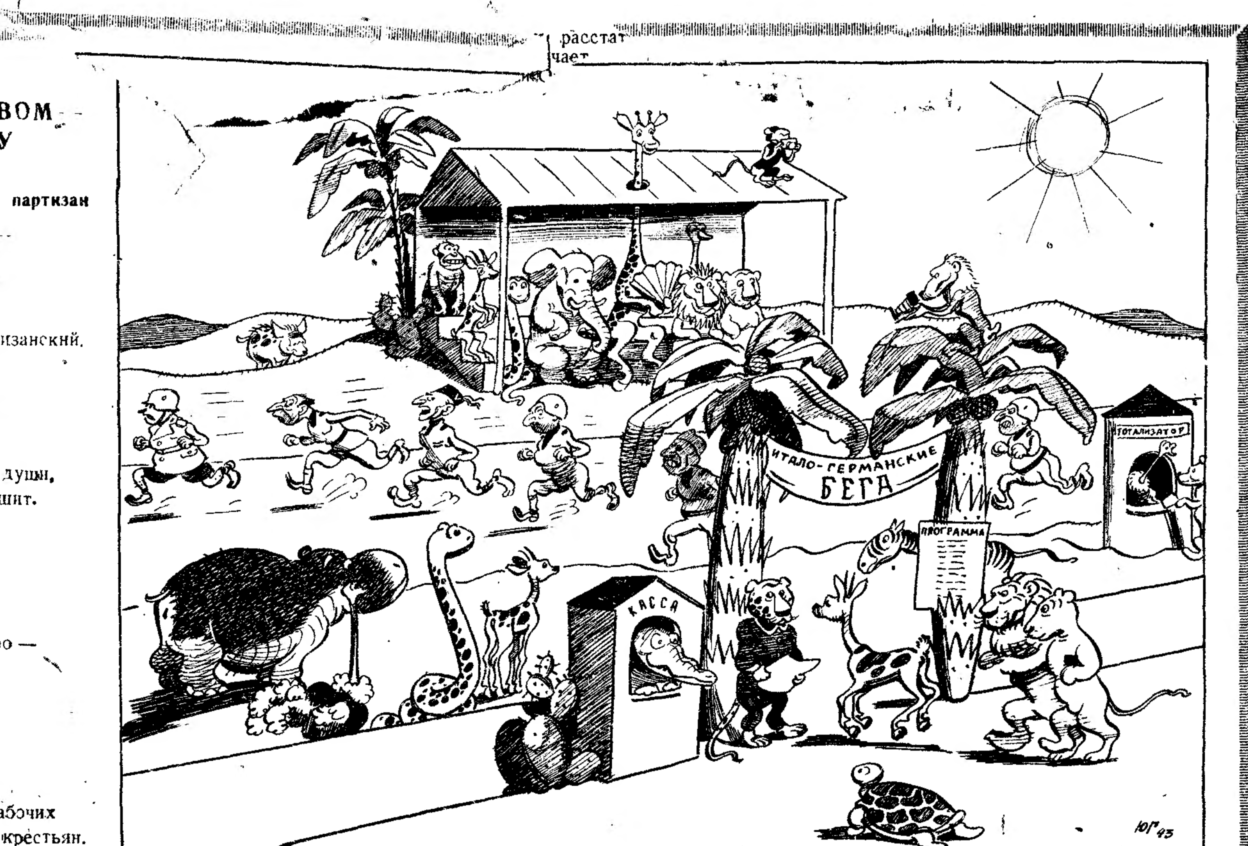
—O—

Горше немецкой чумы
Ничего не ведали мы.

—O—

Хочешь счастья для рабочих
и крестьян,
Иди в отряды партизан.

—O—

«Беговой сезон» в Африке в разгаре.

Рисунок Ю. Ганфа

Шахматы

ПАРТИЯ № 1

Играна в чемпионате Москвы 1942 года.

Дебют НИМЦОВИЧА.

БОЛЕСЛАВСКИЙ (белые)

ДУЗ-ХОТИМИРСКИЙ (чёрные)

1. e2—e4 Kb8—c6

Этот чересчур оригинальный ход преследует цель — выбить противника из проторённых путей. Удастся ли это сделать, будет видно из дальнейшего.

2. d2—d4 d7—d6
3. Kg1—f3 Cc8—g4

А это уже прямая ошибка. Лучше было 3... e5

4. d4—d5 Kc6—b8

Чёрные слишком поздно заметили, что на 4... Ke5 последует 5. K : e5!! C : d1, 6. Cb5 + с таким, например, продолжением: 6 ... c6, 7. dc. Фa5 + 8. Kc3, 0-0-0, 9. Kc1, Фc7, 10. Kd5, Фb3 11 c 7 и т. д.

5. h2—h3, Cg4—e8.

Всё же лучше было 5 ... C : f3.

6. Kb1—c3

На этой диаграмме видно, сколь неудачно чёрные разыграли первую часть партии: в то время как у белых на доске сделано шесть ходов, в активе чёрных всего лишь один робкий ход пешкой.

6. . . . . Kg8—f6
7. Cc1—g5 h7—h6,

Это ослабление королевского фланга в дальнейшем и скажется.

8. Cg5—e3 e7—e5
9. d5 : e6 Cc8 : e6
10. Kf3—d4 Ce6—d7

Снова потеря времени для того, чтобы избежать размена этого неудачного слона.

11. Cf1—c4 Cf8—e7
12. Фd1—e2 Kb8—c6
13. 0-0-0 Фd8—c8

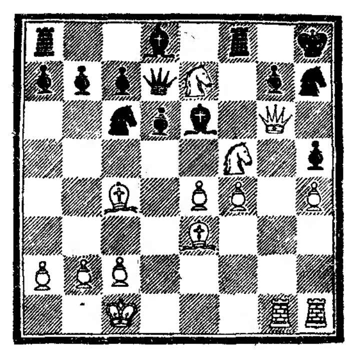
В то время как все фигуры белых уже готовы к активным действиям, чёрные всё ещё топчутся в своём лагере.

14. f2—f4 0—0

Опасно, но другого выбора нет!

15. g2—g4 Kf6—h7
16. Kc3—d5 Ce7—d8
17. Kd4—f5 Лf8—e8
18. Фe2—g2 Cd7—e6
19. h3—h4 Kpg8—h8

Лавина атаки белых нарастает с каждым ходом, и чёрным нечего ей противопоставить. Болеславский прекрасно использовал дебютные ошибки чёрных.

Заключительное положение.

20. g4—g5 h6—h6

Если 20 . . . . C : f5, то 21. ef, Ф f5, 22. gh, 23. Лh—g1—и чёрным плохо.

21. g5—g6 f7 : g6
22. Фg2 : g6 Фc8—d7
23. Лd1—g1 . . . . .

Теперь, как указал Болеславский, на 23. ... C : f5, 24. ef cf6 решал партию красивый ход 25. Лg5!

23. . . . . Лe8—f8?

Ошибка, но партия всё равно уже проиграна.

24. Kd5—e7!! . . . .

24. . . . Чёрные сдались — насколько своевременно, предоставляем судить нашим читателям.

РЕШЕНИЕ ЗАДАЧИ № 1 САМУИЛА ЛОЙДА

См. «Огонёк» № 3

ПОЛОЖЕНИЕ: Белые Крс 3, Фc1, Cd5 и g7. Ke5 (5)
Чёрные Крf5 (1)

1. Cg7 — f8! Мат в 2 хода.

В конце номера

ИСТОРИЯ ОДНОГО ГИТЛЕРОВЦА

Во время Всемирной выставки 1937 года в Париже появился молодой немец из Дюссельдорфа. Это был «чистокровный» ариец—голубоглазый, белокурый, с продолговатым лицом. Всегда безукоризненно одетый, недурно говорящий по-французски и по-английски, он появлялся в выставочных ресторанах и кафе. Своим новым знакомым он рекомендовался представителем старой германской аристократии фон Вейдманом. Предупредительный немец доставал билеты в театры; отлично зная Париж, он охотно показывал его достопримечательности; сопровождал в кафе и рестораны и умело ухаживал. С более образованными и культурными он беседовал об искусстве и литературе, восхищался установившимся в Германии «новым порядком» и без конца толковал о том, что этот строй может принести человечеству. С не интересовавшимися подобными вопросами женщинами он просто болтал о пустяках, веселил их и угощал их сладостями и шампанским. Он усиленно приглашал гостей приехать к нему на уединённую виллу, которую нанимал за городом, в окрестностях Версальского парка. Как впоследствии выяснилось, Вейдман одновременно занимался и шпионажем и убийством с целью ограбления.

Однажды газеты забили тревогу по поводу исчезновения балетной артистки Дженни Кован, дочери богатых родителей из Чикаго. Было установлено, что её видели в обществе молодого голубоглазого иностранца, с которым она появлялась в ресторанах, на выставке и в театрах. Это был Вейдман.

Решено было произвести обыск на вилле. На коврах были обнаружены следы крови. Но оправившийся от первого испуга Вейдман утверждал, будто у него бывают кровотечения из носу. Не ограничившись домом, полицейские приступили к раскопкам в саду. Здесь обнаружили несколько наскоро засыпанных землёй полуразложившихся женских трупов и в том числе труп Дженни Кован. Присутствовавший при этом преступник держался сначала заносчиво, но под давлением неопровержимых улик не отрицал своих преступлений, нагло объясняя их необходимостью добывать средства к «достойному существованию» путём ограбления своих жертв.

Дальше он самоуверенно развивал каннибальскую теорию о «сверхчеловеках», о «сильных людях» и «избранных расах», которым «всё дозволено».

Зам. отв. редактора — И. ЕРУХИМОВИЧ. Адрес редакции: Москва, ул. «Правды», 24. ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА».

А 45. 2 п. л. Подписано к печати 27/I—43 г. Изд. № 81. Тираж 150.000. Заказ № 204.

Типография газеты «Правда» имени Сталина. Москва, ул. «Правды», 24.